

Научная статья
УДК 343.97/37.06
doi: 10.17223/22253513/43/8

Угрозы безопасности образовательных организаций (криминологическое исследование по результатам анонимного интернет-опроса обучающихся)

Владислав Сергеевич Соловьев

*Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
vladsolovyyev@mail.ru*

Аннотация. В результате интернет-опроса обучающихся образовательных организаций оценена вероятность совершения учащимися насильственных действий, в результате которых могли бы погибнуть или серьезно пострадать люди; возможность пронести в учебное заведение оружие или взрывчатку; масштабы распространения субкультур «Колумбайн» и «А.У.Е.». Сравнивались ответы, данные учащимися на разных территориях, установлена корреляция между угрозами безопасности и уровнем криминальной активности несовершеннолетних.

Ключевые слова: интернет-опрос, социальные сети, скулштутинг, А.У.Е., Колумбайн

Для цитирования: Соловьев В.С. Угрозы безопасности образовательных организаций (криминологическое исследование по результатам анонимного интернет-опроса обучающихся) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 97–113. doi: 10.17223/22253513/43/8

Original article
doi: 10.17223/22253513/43/8

Threats to the security of educational institutions (criminological study based on an anonymous online survey of students)

Vladislav S. Solovjev

*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar,
Russian Federation, vladsolovyyev@mail.ru*

Abstract. The aim was to assess the scale and manifestation of security threats in educational institutions in Russia, the Republic of Abkhazia and the Republic of South Ossetia. For this purpose, an anonymous Internet survey of 1,075 students was conducted between March and June 2019. The questionnaire included 2 sets of

questions - about some of the characteristics of the interviewees (gender, age, place of residence, type of educational institution where they study) and about various security threats in educational organisations. The answers given by students in different territories were compared, and a correlation was established between security threats and the level of juvenile criminal activity.

More than 40 per cent of the students were inclined to believe that a situation could occur in their educational institutions where the actions of the students could lead to death or serious harm. Over 60 per cent of respondents said that they would be able to bring weapons or explosive devices into their educational institutions.

More than half of the students had encountered the display of cold weapons in educational institutions. Respondents also noted that they had seen gas, pneumatic, traumatic, hunting, military firearms, and explosive devices in educational institutions.

About 6% of those surveyed believe that there are those among the students at their educational institutions who admire teenagers who have killed people in schools and colleges, consider them their idols, and seek to emulate them.

Students are interviewed about the tragedies of homicide and serious harm to health in educational establishments. Class teachers are the most active in conducting such discussions, followed by law enforcement officials, psychologists, and representatives of the administration of educational institutions. Almost every fourth Russian respondent answered that his or her educational institution had not conducted talks about tragedies related to homicide and serious harm to health in educational institutions.

One in five respondents answered that there had been conflicts in their educational institution as a result of which someone had been killed or seriously injured.

Over 37% of respondents said that there were students who were mocked and humiliated in their classes (groups), with over 23% believing that they could avenge humiliation by killing or causing serious harm to their health.

More than 37% of respondents believe that there are those who live by the thieves' ideology among the students in their educational institutions. About 4% of respondents met students in their educational organisations who collect money from others "for the common fund", "to warm up the area", i.e. for criminals.

The results of the study can serve as a means of criminological monitoring of the security of the educational environment, become the basis for selecting objects of prevention, and be used as a methodological basis and source of empirical information for criminological research and law enforcement activities.

Keywords: internet survey, social media, skoolshooting, A.U.E., Columbine

For citation: Solovjev, V.S. (2022) Threats to the security of educational institutions (criminological study based on an anonymous online survey of students). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 43. pp. 97–113. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/8

Безопасность образовательной среды – важнейшее условие получения знаний, гармоничного развития личности обучающихся, их полноценной социализации, психологического комфорта как учащихся, так и сотрудников образовательных организаций. Криминологическая ситуация показывает, что, к сожалению, вопросы обеспечения безопасности образовательных организаций от самого широкого спектра угроз являются трудноразрешимыми. К числу наиболее актуальных угроз можно отнести случаи проявления прямого физического насилия в образовательных организаци-

ях, крайней формой которого является «скулштутинг» – вооруженное нападение на учащихся и персонал на территории учебного заведения [1. С. 29]; унижения и оскорбления в учебных коллективах, проникновение криминальной идеологии в образовательную среду. Для успешного противодействия указанным явлениям субъектам профилактики необходима качественная научно обоснованная оценка масштабов и форм проявления угроз безопасности в образовательных организациях. С этой целью с марта по июнь 2019 г. методом анкетирования проводился анонимный интернет-опрос 1 075 учащихся.

Выборка респондентов осуществлялась по профилям в социальной сети «ВКонтакте» по полу, возрасту и месту проживания. Проанализировав содержание личной страницы потенциального респондента, член исследовательской группы обращался к нему, разъяснял суть исследования, просил перейти по ссылке и заполнить анкету. Сама анкета размещалась на сервере виртуальных исследований virtualexs.ru.

Одной из задач членов исследовательской группы был анализ содержания личной страницы потенциального респондента. Необходимо было установить, что страница активна, на ней имеются фотографии и записи на «стене». Лишь в этом случае пользователь приглашался к участию в опросе.

Анкета включала в себя два блока вопросов – о некоторых характеристиках опрашиваемых (пол, возраст, место проживания, вид учебного заведения, где они обучаются – 5 вопросов) и о различных угрозах безопасности в образовательных организациях (16 вопросов).

Анализ ответов на вопросы из первого блока позволил получить следующую информацию.

Гендерное соотношение опрошенных следующее: 38,8% составляют лица мужского пола и 61,2% – лица женского пола. Были опрошены пользователи из четырех возрастных групп: моложе 14 лет (4,4%), 14–15 лет (28,3%), 16–17 лет (43,9%), 18 лет и старше (23,4%). Максимальное внимание было сосредоточено на оценке мнений старшеклассников школ и студентов профессиональных образовательных организаций. Среди опрошенных ученики общеобразовательных организаций составили 73,3%, студенты профессиональных образовательных организаций – 26,7%.

Исследованием были охвачены 76 субъектов Российской Федерации, а также Республики Абхазия и Южная Осетия. Итоги подводились на уровне федеральных округов, что позволило определить корреляционную связь между уровнем преступности несовершеннолетних и безопасностью образовательных организаций. Удельный вес опрошенных из разных федеральных округов следующий:

1) Южный федеральный округ – 16,9% (коэффициент преступной активности несовершеннолетних (далее – Кф), рассчитанный в период с 2014 по 2018 г., равен 71,3);

- 2) Центральный федеральный округ – 16% (Кф = 55,1);
- 3) Северо-Западный федеральный округ – 14,5% (Кф = 104,5);
- 4) Приволжский федеральный округ – 14,4% (Кф = 81,9);
- 5) Дальневосточный федеральный округ – 12,8% (Кф = 180,3);
- 6) Сибирский федеральный округ – 11,8% (Кф = 145);
- 7) Северо-Кавказский федеральный округ – 8,1% (Кф = 27,9);
- 8) Уральский федеральный округ – 5,5% (Кф = 128,9).

Дифференциация респондентов также проводилась в зависимости от размеров населенных пунктов, где они проживают. Были опрошены 32,3% жителей региональных центров и городов федерального значения, 35,6% жителей крупных городов с населением более 100 тысяч человек, 19,7% респондентов из небольших городов с населением менее 100 тысяч человек и 12,4% жителей сельской местности.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос, может ли, по их мнению, в учебном заведении, где они обучаются, произойти трагедия, похожая на ту, которая случилась в Керченском политехническом колледже 1 октября 2018 г., когда в результате действий учащихся могли бы погибнуть или серьезно пострадать люди. В итоге установлено, что на территории России 14,2% учащихся уверены, что такая трагедия может произойти. Еще 26,9% считают, что трагедия произойти может, но точно в этом не уверены. Доля тех, кто считает, что скорее всего такая трагедия произойти не может, но точно в этом не уверены, составила 33,3%. Таким образом, 41,1% учащихся склоняются к тому, что в их образовательных организациях возможна ситуация, когда в результате действий учащихся могли бы погибнуть или серьезно пострадать люди. Наибольшая доля респондентов, утвердительно ответивших на вопрос, проживает на территории Уральского (51,8%), Дальневосточного (45%) и Южного (43,9%) федеральных округов, наименьшая доля – в Северо-Кавказском федеральном округе (30,5%). В этом же федеральном округе наименьшая доля тех, кто уверен в том, что трагедия, подобная керченской, может произойти в их учебных заведениях (9,8%). В Республике Абхазия 44% учащихся склоняются к тому, что в их учебных заведениях возможна ситуация, когда в результате действий учащихся могут погибнуть или серьезно пострадать люди. В Республике Южная Осетия этот показатель существенно ниже – 19,6%.

Респондентам было предложено оценить, смогут ли они при желании пронести в учебное заведение, где они обучаются, оружие или взрывные устройства. Сообщили, что это сделать не сложно, 43,5% опрошенных из России. Еще 17% учащихся ответили, что это сделать трудно, однако они смогли бы, если бы захотели. Таким образом, 60,5% респондентов, обучающихся на территории России, утверждают, что смогли бы пронести в свои учебные заведения оружие или взрывные устройства. Наибольшая доля респондентов, утверждающих, что они смогли бы пронести в учебные заведения, где они обучаются, оружие или взрывные устройства, проживает на

территории Дальневосточного (70,5%) и Сибирского (67,3%) федеральных округов. Минимальный показатель (39%) зафиксирован в Северо-Кавказском федеральном округе. Это можно объяснить повышенным вниманием к антитеррористической защищенности образовательных организаций на Северном Кавказе. В Республике Абхазия 56% учащихся уверены, что смогли бы пронести в свои учебные заведения оружие или взрывные устройства. В Республике Южная Осетия этот показатель составляет 39%.

Следующий вопрос был сконструирован в форме матрицы и направлен на то, чтобы выяснить, случалось ли такое, что учащиеся (сами респонденты, их одноклассники, однокурсники, учащиеся параллельных, старших, младших классов и курсов) приносили и демонстрировали внутри учебного заведения холодное оружие (ножи, кастеты, нунчаки, телескопические дубинки), травматическое оружие (пистолеты, револьверы), пневматическое оружие (пистолеты, винтовки), газовое оружие, охотничье ружьё или обрезы, боевое огнестрельное оружие, взрывные устройства (гранаты, тротиловые шашки и др.). По каждому из видов оружия респондентам предлагалось выбрать один из трех вариантов ответов: «такое бывает регулярно», «были единичные случаи», «таких случаев не было».

На территории России 8,2% опрошенных отметили, что в их учебные заведения учащиеся регулярно приносят холодное оружие, еще 45,3% утверждают, что сталкивались с этим в единичных случаях. Таким образом, 53,5% российских учащихся сталкивались в своих учебных заведениях с демонстрацией холодного оружия. Наибольшая доля таких учащихся в Сибирском (12,6% опрошенных делали это часто, 50,4% – в единичных случаях) и Дальневосточном (9,3% – часто, 48,1% – в единичных случаях) федеральных округах. Достаточно высок процент респондентов, сталкивавшихся в учебных заведениях с холодным оружием, в Республике Абхазия. Делали это часто 12% абхазских учащихся, еще 44% – в единичных случаях. В Республике Южная Осетия 4,9% респондентов указали, что регулярно встречаются с демонстрацией холодного оружия в учебных заведениях, еще с 43,9% это происходило в единичных случаях.

Вторым по распространенности видом оружия, с которым учащиеся сталкиваются в учебных заведениях, является газовое. Встречали такое оружие в своих образовательных организациях 16,8% опрошенных из России, причем 2,2% делали это часто. Максимальный показатель зафиксирован в Сибирском федеральном оруge – 26%. В Республике Абхазия с газовым оружием в учебных заведениях встречались 4% опрошенных, в Республике Южная Осетия – 14,6%.

С пневматическим оружием в образовательных организациях встречались 10% российских учащихся. Это третий по распространенности вид оружия. Факты обнаружения пневматического оружия в наибольшей степени распространены в Северо-Кавказском федеральном округе, 20,7% учащихся из регионов Северного Кавказа встречали пневматическое оружие в

руках своих одноклассников, однокурсников, учащихся параллельных, старших, младших классов и курсов. Это показатель более чем в два раза превышает среднероссийский и почти в четыре раза – показатель Уральского федерального округа (5,5%). Полученные сведения заслуживают внимания правоохранительных органов Северного Кавказа. С пневматическим оружием в учебных заведениях встречались 16% опрошенных из Республики Абхазия и 12,2% респондентов из Южной Осетии.

Травматическое оружие в руках учащихся замечали 7,9% опрошенных из России. Наибольшая доля фактов обнаружения травматического оружия у учащихся зафиксирована в Сибирском федеральном округе (12,6%). Каждый восьмой респондент из Сибирского федерального округа встречал травматическое оружие у своих одноклассников, однокурсников, учащихся параллельных, старших, младших классов и курсов. В Республике Абхазия подобных фактов зафиксировано не было. В Республике Южная Осетия 2,4 % респондентов часто видели травматическое оружие в своих учебных заведениях, еще 9,8% делали это в единичных случаях.

Опрос о фактах обнаружения охотничьего и боевого огнестрельного оружия в учебных заведениях продемонстрировал примерно схожие ответы. С первым сталкивались 1,9% российских учащихся, со вторым – 2,2%. Однако за этими невысокими процентами стоят весьма тревожные абсолютные значения. По данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2019 г. в России проживали 7 151 217 человек в возрасте 14–18 лет (именно они составили подавляющее большинство опрошенных) [2]. Так, 1,9 и 2,2% учащихся, видевших в руках своих одноклассников, однокурсников, учащихся параллельных, старших, младших классов и курсов охотничье оружие, обрезы, боевое огнестрельное оружие, означает, что с такими фактами сталкивались около 136 тысяч и около 157 тысяч несовершеннолетних соответственно. Даже если учитывать все статистические погрешности при проведении опроса (непонимание терминологии, выбор ответов, не читая вопросов и др.), все равно такие результаты не могут не настороживать. В Республике Абхазия с охотничьим оружием, обрезами, боевым огнестрельным оружием на территории учебных заведений встречались 4% респондентов, в Республике Южная Осетия – 4,8% опрошенных.

Взрывные устройства (гранаты, тротиловые шашки и др.) встречали в образовательных организациях 6,9% респондентов из России. Максимальное значение этого показателя характерно для Дальневосточного федерального округа – 14%, минимальное – для Северо-Кавказского – 2,4%. В Республике Абхазия опрошенные никогда не сталкивались с обнаружением взрывных устройств в руках своих товарищей по учебе, в Республике Южная Осетия 7,3% респондентов отметили, что видели в учебных заведениях взрывные устройства.

Анализ ответов на вопрос, посвященный оценке фактов обнаружения в образовательных организациях различных видов оружия и взрывных

устройств, позволил сделать два вывода. Во-первых, наибольшее количество ситуаций, связанных с обнаружением учащимися оружия в руках своих одноклассников, однокурсников, учащихся параллельных, старших, младших классов и курсов, происходило в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, т.е. на территориях с наибольшим в России коэффициентом преступной активности несовершеннолетних, что свидетельствует о наличии корреляционной связи между этими показателями. Во-вторых, в Северо-Кавказском федеральном округе, характеризующемся повышенным вниманием к антитеррористической защищенности образовательных организаций, фиксируется достаточно низкий процент респондентов, сталкивавшихся с оружием и взрывными устройствами по месту своей учебы. Исключением является пневматическое оружие, опасности которого, по всей видимости, значения просто-напросто не придается.

Респондентам было предложено ответить, является ли ношение оружия показателем авторитета, престижа среди учащихся их учебных заведений. В результате были получены положительные ответы 2,7% российских школьников в отношении огнестрельного оружия, 3,5% – в отношении холодного оружия, 2,7% – в отношении как холодного, так и огнестрельного оружия. Таким образом, практически каждый десятый учащийся из России считает, что ношение оружия является показателем авторитета, престижа в коллективе его учебного заведения. Наибольшая доля респондентов, ответивших, что ношение холодного оружия является показателем авторитета в их образовательных организациях, проживает в Сибирском (7,6%) и Уральском (7,1%) федеральных округах. Наибольшая доля ответивших, что наличие у учащихся огнестрельного оружия является показателем престижа и авторитета в коллективе, проживает в Северо-Кавказском федеральном округе (6,1%). Посчитали, что показателем авторитета в их учебных заведениях является ношение как холодного, так и огнестрельного оружия, 16% учащихся из Республики Абхазия. Среди учащихся из Южной Осетии показателем авторитета и престижа в образовательных организациях 4,9% респондентов посчитали ношение огнестрельного оружия, 7,3% – холодного.

В следующем вопросе учащимся было предложено оценить, чувствуют ли они себя в безопасности на территории образовательных организаций. Выбрать предлагалось из четырех вариантов ответов: «никогда не чувствую себя в безопасности», «лишь изредка чувствую себя в безопасности», «в основном чувствую себя в безопасности, но не всегда», «всегда чувствую себя в безопасности».

На территории России 6% учащихся не чувствуют себя в безопасности, а 5,6% обучающихся лишь изредка чувствуют себя в безопасности на территории образовательных организаций. Наибольшая доля респондентов, не чувствующих себя в безопасности, проживает на территории Сибирского (8,4%) и Уральского (7,1%) федеральных округов. На этих же территориях

зарегистрирована наибольшая доля тех, кто в сумме выбрал первый и второй варианты ответа на вопрос, – по 16%. Наиболее защищенными на территории учебных заведений чувствуют себя учащиеся из Северо-Кавказского (93,9% респондентов, выбравших третий и четвертый варианты ответа), Приволжского и Северо-Западного (по 91,1% опрошенных, выбравших третий и четвертый варианты ответа) федеральных округов. В Республике Абхазия лишь 4% учащихся не чувствуют себя в безопасности в учебных заведениях, оставшиеся 96 % всегда или в основном всегда чувствуют себя в безопасности. В Южной Осетии также достаточно высок процент тех, кто чувствует себя в безопасности. В сумме выбрали третий и четвертый варианты ответа 92,7% опрошенных. Можно констатировать, что уровень ощущения безопасности учащимися образовательных организаций связан с коэффициентом криминальной активности несовершеннолетних. Среди учащихся Сибирского, Уральского и Дальневосточного федеральных округов, где этот уровень наиболее высок, присутствует наибольшая доля респондентов, никогда не чувствующих и лишь изредка чувствующих себя в безопасности.

Следующий блок вопросов был направлен на выяснение отношения учащихся к массовым убийствам в учебных заведениях, уровня их знаний о подобных случаях, проводимой в учебных коллективах профилактической работе. Учащимся был задан вопрос, слышали ли они слово «Колумбайн» и знают ли, что оно обозначает. Такая формулировка вопроса была выбрана потому, что массовое убийство в школе «Колумбайн» в Соединенных Штатах Америки на сегодняшний день является самой узнаваемой трагедией, связанной с применением насилия в образовательных организациях. Как отмечают исследователи, «Колумбайн» давно уже стал своего рода культом или субкультурой для деструктивных подростков, желающих совершить яркий поступок, связанный с насильственными действиями в стенах учебных заведений [3. С. 445].

Среди российских учащихся 16,6% слышали слово «Колумбайн», однако не знают, что оно обозначает. Еще 15,8% респондентов знают его значение. Тем, кто выбрал этот вариант ответа, было предложено в свободной форме раскрыть значение слова «Колумбайн». В описаниях респонденты наиболее часто говорили о массовом убийстве в школе (34,8% от числа тех, кто выбрал анализируемый вариант ответа), некоторые писали о подробностях (в основном о том, что это произошло в США, что убийство совершили два старшеклассника, что погибли ученики и учителя и что преступники покончили жизнь самоубийством). В 14,3% ответов респондентов использовались словосочетания «террористический акт». Кроме того, респонденты в своих ответах находили сходство трагедий в школе «Колумбайн» и Керченском политехническом колледже, указывали, что слово «Колумбайн» стало обобщающим для подобного рода инцидентов, отмечали, что поступком убийц вдохновляются некоторые подростки.

Наиболее осведомленными о трагедии оказались учащиеся из Приволжского и Южного федеральных округов. Среди них доли тех, кто слышал слово «Колумбайн» и знает его значение, составили 20,7 и 19,3% соответственно. В наименьшей степени знают о трагедии респонденты из Северо-Кавказского и Дальневосточного федеральных округов (не слышали о ней, соответственно, 85,4 и 72,1% опрошенных).

Среди учащихся из Республики Абхазия лишь 4% слышали слово «Колумбайн» и знают его значение, 72% опрошенных не знают ничего о нем. В Южной Осетии 2,4% опрошенных учащихся знают значение слова «Колумбайн», 82,9% респондентов это слово не слышали.

В следующем вопросе респондентам было предложено ответить, есть ли среди учащихся их учебных заведений те, кто восхищаются подростками, убивавшими людей в школах, колледжах, считают их своими кумирами, стремятся им подражать. Утвердительный ответ на этот вопрос дали 5,6% респондентов из России, еще 30,1% затруднились ответить. Сопоставляя долю респондентов, встречавших в своих образовательных организациях тех, кто восхищаются подростками, убивавшими людей в учебных заведениях, считают их своими кумирами, стремятся им подражать, с количеством населения в возрасте 14–18 лет, можно констатировать, что в настоящее время около 400 тыс. подростков являются приверженцами субкультуры «Колумбайн». Наибольшая доля респондентов, утвердительно ответивших на вопрос, проживает в Южном (7,6%) и Центральном (6,8%) федеральных округах. На этих территориях каждый четырнадцатый учащийся считает, что в его учебном заведении есть те, кто восхищаются подростками, убивавшими людей в школах, колледжах, считают их своими кумирами, стремятся им подражать. Больше всего респондентов, ответивших на вопрос отрицательно, являются жителями Северо-Кавказского федерального округа. Там 74,4% учащихся посчитали, что в их учебных заведениях таких людей нет, а еще 20,7% затруднились с ответом. Среди респондентов из Абхазии не было ни одного, кто бы ответил на предлагаемый вопрос утвердительно, а среди опрошенных из Южной Осетии это сделали лишь 2,4%.

Участникам опроса было предложено ответить, есть ли среди учащихся их образовательных организаций те, кто состоит в группах в социальных сетях, подписаны на паблики, каналы, посвященные убийствам в учебных заведениях. Максимальная доля ответивших, что в образовательных организациях, где они обучаются, есть такие учащиеся, проживает в Северо-Западном (23,3%) и Дальневосточном (20,9%) федеральных округах. В целом на территории России 16,8% респондентов ответили на вопрос утвердительно. Это означает, что около 1 млн 200 тыс. учащихся состоят в группах в социальных сетях, подписаны на паблики, каналы, посвященные убийствам в учебных заведениях. Среди респондентов из Республики Абхазия утвердительный ответ на вопрос дали 24%, из Южной Осетии – 4,9%.

Учащимся был задан вопрос, проводили ли руководители их учебных заведений, учителя, преподаватели, психологи, сотрудники правоохранительных органов беседы о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях. На территории России наиболее активно такие беседы проводят классные руководители (на это указали 50,2% опрошенных). Наибольшее количество респондентов, выбравших такой вариант ответа, проживает в Южном (62%) и Центральном (58,4%) федеральных округах, наименьшее – в Северо-Кавказском федеральном округе (39%). Следующим по активности субъектом, проводящим беседы о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях, являются правоохранительные органы (полиция). Этот вариант ответа выбрали 34,6% российских респондентов. Наиболее активны представители правоохранительных органов в Дальневосточном (45%), Северо-Кавказском (40,2%) и Приволжском (40%) федеральных округах. Психологи проводили беседы о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях, у 23,6% опрошенных; наиболее активны они в Приволжском (29%) и Северо-Западном (26,7%) федеральных округах.

Директор и представители администрации учебных заведений проводили беседы, касающиеся убийств и причинения серьезного вреда здоровью, у 22,2% респондентов. Наибольшая доля выбравших этот вариант ответа принадлежит учащимся Северо-Кавказского федерального округа (26,8%). Практически каждый четвертый российский респондент (24,5%) ответил, что в его учебном заведении бесед о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в образовательных организациях, не проводилось. Наибольшая доля ответивших таким образом зафиксирована в Северо-Западном (31,5%) и Сибирском (29,4%) федеральных округах. В Республике Абхазия 36% опрошенных ответили, что подобных бесед с ними не было. 28% учащихся указали, что беседы проводились классным руководителем; по 16% респондентов отметили, что беседы осуществлялись с директором (представителем администрации) или сотрудниками правоохранительных органов; еще 12% – с психологами. В Республике Южная Осетия наибольшую активность в проведении бесед о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях, проявляют сотрудники правоохранительных органов (на это указали 43,9% опрошенных). С 31,7% опрошенных беседы проводили классные руководители, с 24,4% – директор (представитель администрации) образовательной организации, с 14,6% – психолог. Респонденты из Южной Осетии (24,4%) ответили, что с ними бесед о трагедиях, связанных с убийствами и причинением серьезного вреда здоровью в учебных заведениях, не проводилось.

В следующем вопросе респондентам предлагалось вспомнить, случались ли в их учебных заведениях конфликты, в результате которых кто-

нибудь погиб или серьезно пострадал. В результате установлено, что на территории России свидетелями таких конфликтов становились 20,2% учащихся. Наибольшая доля таких респондентов проживает в Сибирском (26,9%) и Северо-Кавказском (23,2%) федеральных округах. В основном такие конфликты случались между учениками, на это указали 16% опрошенных из России. Максимальная доля конфликтов между учениками, в результате которых кто-то погиб или серьезно пострадал, зафиксирована в Сибирском федеральном округе (23,5%). Следующими по распространенности в России являются конфликты между учениками и учителями, в результате которых погиб или серьезно пострадал ученик, они составляют 1,8%. Еще 0,9% конфликтов также произошли между учениками и учителями, однако повлекли гибель или серьезный вред здоровью учителя. Небольшая доля таких конфликтов в относительных значениях, однако, означает, что если итоги опроса проецировать на всех российских несовершеннолетних, то около 128 тыс. учащихся становились свидетелями конфликтов, в результате которых погибли или серьезно пострадали ученики, а еще около 64 тыс. – конфликтов, повлекших гибель или серьезный вред здоровью учителей. Следует также учитывать, что, по данным исследований, в более чем 60% случаев применения насилия со стороны учеников к учителям виновные лица не несут дисциплинарную или иную ответственность [4. С. 36]. Такая ситуация служит серьезным криминогенным фактором насильственных конфликтов между учениками и учителями.

Наибольшая доля конфликтов между учениками и учителями, в результате которых погибли или серьезно пострадали ученики, отмечена респондентами из Северо-Кавказского федерального округа (4,9%). В Дальневосточном федеральном округе наибольшая доля учащихся (3,1%) указала, что в их учебных заведениях случались конфликты между учениками и учителями, в результате которых погибли или серьезно пострадали учителя. Результаты ответов респондентов из Дальневосточного федерального округа оказались весьма неожиданными. Здесь зафиксировано минимальное на территории России количество конфликтов, в результате которых кто-нибудь погиб или серьезно пострадал (16,3% респондентов указали, что такие конфликты были в их учебных заведениях), а также конфликтов между учениками, повлекших серьезные последствия (10,1%). При этом в Дальневосточном федеральном округе наблюдается максимальное количество конфликтов между учениками и учителями, в результате которых погибли или серьезно пострадали учителя. Среди респондентов из Республики Абхазия таких было 32%, в Южной Осетии – 17,1% опрошенных. Указали, что такие конфликты случались между учащимися, 7,3% респондентов, остальные отметили, что конфликты происходили между учениками и учителями. Доли ответивших, что в результате конфликтов между учениками и учителями серьезный вред был причинен ученикам и учителям, равны и составляют по 4,9%.

Следующие два вопроса анкеты были направлены на то, чтобы выяснить, есть ли в классе (группе) опрошенных «забытые» учащиеся, над которыми насмехаются и которых унижают, и если есть, то способны ли они отомстить за унижения с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью (избить, порезать ножом, принести в учебное заведение оружие). В криминологических исследованиях отмечается, что оскорбления, унижения, грубые слова, насмешки, бесконечные замечания, высмеивание, отказ от общения, направленные на игнорирование, отторжение, запугивание, подрыв чувства собственного достоинства отдельных учащихся, являются наиболее распространенной формой школьного насилия [5. С. 78]. Так, 37,3% опрошенных из России ответили, что в их классах (группах) такие учащиеся есть, причем 23,4% респондентов считают, что те способны отомстить за унижения с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью. Наибольшее количество учащихся, над которыми насмехаются и которых унижают, отмечается в Южном и Сибирском федеральных округах (на их наличие указали 46,2 и 45,4% опрошенных соответственно). Наибольшая доля респондентов, считающих, что учащиеся, над которыми насмехаются и которых унижают, способны отомстить с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью, проживает в Северо-Кавказском и Уральском федеральных округах (по 38,9%). В Республике Абхазия 36% опрошенных указали на наличие в их учебных заведениях учащихся, над которыми насмехаются и которых унижают. При этом 44,4% респондентов считают, что те могут отомстить с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью. Среди опрошенных из Южной Осетии 22% отметили, что в их образовательных организациях есть учащиеся, над которыми насмехаются и которых унижают, при этом 44,4% от числа таких учащихся способны отомстить с помощью убийства или причинения серьезного вреда здоровью.

Отдельный блок вопросов был посвящен оценке масштабов распространения криминальной субкультуры «А.У.Е.» в образовательных организациях. Исследователи указывают, что «в последние несколько лет происходит довольно активная экспансия криминальной субкультуры на несовершеннолетних, что способствует формированию асоциального поведения, совершению правонарушений» [6. С. 50], однако каких-либо научно обоснованных оценок масштабов этого явления в научной литературе нет.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос, слышали ли они когда-нибудь аббревиатуру «А.У.Е.», а если слышали, то знают ли они, что она обозначает. В результате опроса установлено, что 34,4% учащихся из России слышали аббревиатуру «А.У.Е.» и знают, что она обозначает. Еще 52,1% респондентов слышали, однако о ее значении не знают. Наибольшая доля тех, кто слышал аббревиатуру «А.У.Е.» и знает ее значение, проживает в Сибирском (42% опрошенных) и Дальневосточном (38,8% опрошенных) федеральных округах. Не случайно, что в этих же федеральных окру-

гах фиксируется наибольший в России коэффициент криминальной активности несовершеннолетних. Наименьшее число учащихся, знакомых с аббревиатурой «А.У.Е.», проживает в Северо-Кавказском федеральном округе. Среди респондентов оттуда 25,6% вообще не слышали ее, еще 52,4% слышали, но не знают ее значение. Среди респондентов из Абхазии 28% слышали аббревиатуру «А.У.Е.» и знают ее значение, еще 64% только слышали. В Южной Осетии 12,2% опрошенных слышали аббревиатуру «А.У.Е.» и знают, что она обозначает, 75,6% – слышали, но не знают ее значения.

Тем респондентам, которые ответили, что слышали аббревиатуру «А.У.Е.» и знают ее значение, предлагалось это значение описать. Подавляющее большинство таких опрошенных отметили связь «А.У.Е.» с криминальным миром, тюремное происхождение термина, приверженность последователей «А.У.Е.» криминальным понятиям, обычаям, правилам, желание жить «блестящей» жизнью. Из их числа 52,9% расшифровали аббревиатуру «А.У.Е.» как «арестантский уклад един», «арестантский устав един» и «арестантское уркаганское единство»; 15,9% в разных формах указали, что это движение, состоящее из несовершеннолетних; 7,8% выразили резко негативное отношение к этой субкультуре. Также встречаются ответы, в которых приверженность «А.У.Е.» называют сугубо показным явлением. Один из респондентов таким образом описал это: «понят короче, те, кто это говорят, при запахе пороха убегут и спрячутся за юбкой мамы».

Участникам исследования было предложено ответить на вопрос, есть ли среди учащихся их учебных заведений те, кто живет по воровским понятиям, придерживается идеологии «А.У.Е.». Так, 11,6% опрошенных из России ответили, что в их образовательных организациях таких учащихся много. Наибольшая доля ответивших таким образом приходится на респондентов из Дальневосточного (20,2%) и Уральского (17,9%) федеральных округов. Указали на то, что в учебных заведениях есть приверженцы идеологии «А.У.Е.», но их мало, 26% российских учащихся. Максимальная их доля приходится на Южный (32,2%), Сибирский (28,6%), Уральский (28,6%) и Дальневосточный (27,9%) федеральные округа. Суммарно число тех, кто ответил, что среди учащихся их учебных заведений есть те, кто живет по воровским понятиям, придерживается идеологии «А.У.Е.» (число выбравших первый или второй варианты ответов) в России составило 37,6%. Наиболее неблагоприятная ситуация складывается в Дальневосточном и Уральском федеральных округах. Практически половина учащихся оттуда (48,1 и 46,5% соответственно) ответили, что в их учебных заведениях есть приверженцы идеологии «А.У.Е.». Особую настороженность вызывает то, что в Дальневосточном федеральном округе, где наблюдается максимальный уровень преступности несовершеннолетних, каждый пятый учащийся часто встречает в своих учебных заведениях тех, кто разделяет идеологию «А.У.Е.». Это практически в два раза выше среднероссийского

показателя. Среди учащихся из Абхазии 28% ответивших указали на то, что в их учебных заведениях много тех, кто живет по воровским понятиям, придерживается идеологии «А.У.Е.». Такая же доля опрошенных считает, что такие учащиеся есть, но их немного. Суммарно удельный вес выбравших один из этих вариантов ответов выше, чем в России, и составляет 56%. В Южной Осетии 12,2% респондентов часто встречали в своих образовательных организациях приверженцев идеологии «А.У.Е.», еще 17,1% считают, что такие учащиеся есть, но их мало. При оценке результатов ответов на этот вопрос стоит также учитывать, что 29,3% опрошенных затруднились дать на него ответ. Соответственно доли ответов, свидетельствующих о распространенности идеологии «А.У.Е.» в образовательных организациях, в расчете на респондентов, владеющих ситуацией, будут выше.

В следующем вопросе респондентам предлагалось ответить, есть ли среди учащихся их учебных заведений те, кто собирает с других деньги «в общак», «на подогрев зоны», т.е. для преступников. Среди опрошенных из России 3,8% считают, что в их образовательных организациях такие учащиеся есть. Наибольшая доля этих респондентов приходится на Дальневосточный (5,4%) и Сибирский (5%) федеральные округа. Дальневосточный федеральный округ является лидером по количеству учащихся, живущих по воровским понятиям, придерживающихся идеологии «А.У.Е.», и по количеству учащихся, собирающих деньги «в общак», что, безусловно, не должно оставаться без внимания правоохранительных органов и других субъектов предупреждения преступлений несовершеннолетних.

В то же время можно наблюдать тенденцию, когда на исследуемой территории высока доля тех, кто живет по воровским понятиям, придерживаются идеологии «А.У.Е.» и низкая доля учащихся, собирающих деньги «в общак». Это присуще, например, Южному федеральному округу, где 42,7% респондентов ответили, что среди учащихся их учебных заведений есть те, кто живет по воровским понятиям, придерживается идеологии «А.У.Е.» (10,5% – что таких учащихся много), однако доля тех, кто встречал в своих образовательных организациях сбор денег «в общак», «на подогрев зоны», т.е. для преступников, является самой низкой на территории России и составляет 1,8%. Можно сказать, что в Южном федеральном округе «А.У.Е.» представляет собой в большей степени идеологию и масштабно не переходит в «практическую» плоскость. Стоить согласиться с мнением о том, что «“А.У.Е.” лишено влияния криминализата. Напротив, оно имеет свойства самоуправляемого движения, внутренние коммуникации в котором выражены в меме (вирусно распространяемой информации). Этому весьма сильно благоприятствует информационный фактор: распространение идей криминальной субкультуры осуществляется через различные мессенджеры и социальные сети. Условия анонимности сети Интернет, необратимый цикл копирования постов и сообщений в мессенджерах и социальных сетях делают невозможным контроль за распространением

идеологии “А.У.Е.”, не говоря уже о его оперативном блокировании. И это все происходит в условиях, когда электронными подписчиками таких аккаунтов являются тысячи подростков России» [7. С. 21]. Напрашивается вывод, что, в зависимости от регионов страны и существующих там криминальных традиций, «А.У.Е.» может быть и идеологией криминальной («околокриминальной») жизни, и фактором, способствующим рекрутингу подростков в криминальную среду, ярким свидетельством которого является как раз сбор денег «в общак» или «на подогрев зоны».

Если проецировать полученные результаты на генеральную совокупность, которая представляет собой общее количество несовершеннолетних в возрасте 14–18 лет, получится, что почти 272 тыс. российских подростков замечали среди учащихся своих учебных заведений тех, кто собирает с других деньги «в общак», «на подогрев зоны», т.е. для преступников.

В Республике Абхазия никто из респондентов не встречал в своих образовательных организациях факты сбора денег для криминальной среды. В Республике Южная Осетия 7,3% опрошенных считают, что среди учащихся их учебных заведений есть те, кто собирает с других деньги «в общак». Как и в случае с предыдущим вопросом, при оценке ответов следует учитывать, что 16,7% опрошенных не владеют ситуацией и затруднились дать ответ.

В заключительном вопросе второго блока анкеты респондентам предлагалось рассказать о каком-нибудь случае или происшествии, связанном с насилием, причинением серьезного вреда здоровью кому-то в их учебных заведениях, либо высказать свой комментарий по поводу исследования. Это предложение приняли 2,6% опрошенных. Половиной из них были описаны ситуации, связанные с конфликтами между учениками, сопровождавшиеся, в том числе, групповыми избиениями, использованием холодного оружия, съемками на камеру мобильного телефона. Кроме того, респондентами описывались следующие факты:

- неосторожное обращение с принесенным в учебное заведение травматическим оружием, в результате которого был произведен выстрел в глаз учащегося;
- избиение бездомного учащимися школы;
- распыление перцового аэрозоля из баллончика в образовательной организации;
- насилие со стороны учащегося в отношении учителя;
- попытка суицида ученицы из-за негативного отношения коллектива.

Результаты проведенного исследования могут послужить средством криминологического мониторинга безопасности образовательной среды, стать основой выбора объектов профилактики, а также использоваться в качестве методологической базы и источника эмпирической информации для криминологических исследований и правоохранительной деятельности.

Список источников

1. Гончаров Л.А. «Колумбайн» и скулштутинг в структуре молодежного экстремизма и терроризма // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2019. № 2. С. 29–31.
2. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2019 года. Данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики РФ. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm (дата обращения: 4.11.2019).
3. Карпов В.О. Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 4. С. 442–446.
4. Иванченко Р.Б., Польшиков А.В. Состояние, факторы, предупреждение школьного насилия: экспертный взгляд // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 4. С. 34–39.
5. Грибанов Е.В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // Социологические исследования. 2016. № 7 (387). С. 77–81.
6. Иванченко Р.Б., Буслов М.М. Идеология как инструмент противодействия криминальной субкультуре «А.У.Е.» // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2018. № 1 (5). С. 49–54.
7. Демидова-Петрова Е.П. Информационный фактор в детерминации современной преступности несовершеннолетних (на примере феномена «А.У.Е.») // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 1 (103). С. 20–23.

References

1. Goncharov, L.A. (2019) “Kolumbayn” i skulshuting v strukture molodezhnogo ekstremizma i terrorizma [“Columbine” and schoolshooting in the structure of youth extremism and terrorism]. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya*. 2. pp. 29–31.
2. The Federal State Statistics Service of the Russian Federation. (n.d.) *Chislennost' naseleniya Rossii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2019 goda* [Population of the Russian Federation by sex and age as of January 1, 2019]. [Online] Available from: https://gks.ru/bgd/regl/b19_111/Main.htm (Accessed: 4th November 2019).
3. Karpov, V.O. (2018) Cult of Columbine: Main Reasons for School Shooting. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*. 9(4). pp. 442–446. (In Russian). DOI: 10.24420/KUI.2018.49.27.001
4. Ivanchenko, R.B. & Polshikov, A.V. (2015) The current state, factors, prevention of school violence: the expert view. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Voronezh Institute of The Ministry of Interior of Russia*. 4. pp. 34–39. (In Russian).
5. Gribanov, E.V. (2016) Violence at school: measures of its prevention and control (expert opinions). *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7(387). pp. 77–81. (In Russian).
6. Ivanchenko, R.B. & Buslov, M.M. (2018) Ideologiya kak instrument protivodeystviya kriminal'noy subkul'ture “A.U.E.” [Ideology as a tool to counter the criminal subculture “A.U.E.”]. *Ugolovno-protsessual'naya okhrana prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh*. 1(5). pp. 49–54.
7. Demidova-Petrova, E.P. (2018) Informatsionnyy faktor v determinatsii sovremennoy prestupnosti nesovershennoletnikh (na primere fenomena “A.U.E.”) [The information factor in the determination of modern juvenile delinquency (a case study of the “A.U.E.” phenomenon)]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 1(103). pp. 20–23.

Информация об авторе:

Соловьев В.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России (Краснодар, Россия). E-mail: vladsolovyev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Solovjev, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: vladsolovyev@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.11.2020;
одобрена после рецензирования 17.03.2021; принятa к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 14.11.2020;
approved after reviewing 17.03.2021; accepted for publication 02.03.2022.*